

PRÍLOHA

Антиулица: один день на Большом канале

Если вы ненавидите шумные городские магистрали, то можно очень постараться и, живя в Москве, Париже, Нью-Йорке, месяцами избегать Тверской, Елисейских полей, Бродвея. В Венеции (как и в Санкт-Петербурге) это невозможно. С какой бы стороны вы ни подъезжали к ней, как бы в ней ни перемещались, Большого канала не миновать. Прилетаете на самолете — из иллюминатора перед вами разворачивается знаменитый вид: перламутровая раковина города и синий изогнутый росчерк Большого канала. По-моему, он напоминает огромный вопросительный знак с игриво загнутым концом, а по мнению некоторых серьезных венецианологов, — устройство «внутреннего уха», вестибулярный аппарат человека.

Погружение в Лету

Приплываем на водном такси от аэропорта и сразу втягиваемся из Лагуны в широкое устье Канала там, где комплекс Таможни с флюгером — фигурой Фортуны на

золотом шаре, а на заднем плане — колоссальная церковь Санта-Мария-делла-Салуте.

Подъезжаем на автобусе или поезде — в центр города можно попасть только на водном транспорте Большого канала.

«Неизбежность» Канала обеспечивает его главную функцию — быть жизнетворной артерией Венеции. Только вектор «пассажиropотока» с веками изменился. В древности торговые суда из Византии и Леванта поднимались «снизу вверх», от Таможни к мосту Риальто, и там разгружали свои экзотические товары. Сегодня большинство гостей начинают путь от автобусного вокзала на Пьяццале-ди-Рома или от железнодорожного (Санта-Лучия), а потом плывут «сверху вниз».

Известен афоризм Павла Муратова о том, что «Есть две Венеции...» (одна — это та, что до сих пор «что-то празднует»... другая скрыта в тихих переулках, и ее нельзя угадать по легкой жизни на площади Св. Марка). Точно так же есть два Больших канала, два образа его. Один — наполненный шумной разноязычной туристской толпой, с которой сливаешься, вступая на борт моторного катера. Другой — идеальная улица-река с прекрасными палаццо, с гондолами, медленно рассекающими спокойную гладь воды. Лучшая метафора Каналь Гранде — это его сравнение с Летой, протекающей согласно поверьям древних греков в царстве Аида. Души умерших отпивают из ее вод и забывают все, что осталось позади. В принципе то же самое — забвение всего суетного, всего, что порождает тревоги в повседневной жизни, — должно случаться с каждым гостем Венеции.

Но это только «в принципе». К сожалению, идеальная Венеция, какой мы ее себе представляем по картинам, книгам, фильмам и основанным на них мечтам и грезам, нам сегодня недоступна. По крайней мере, в районе Большого канала. И главная причина того — мы сами, гости. Нас просто слишком много, тех, кто решил обрести здесь счастье. Нас невозможно, нестерпимо много. Толпа страждущих увидеть гармонию ее же разрушает.

Турист сегодня — главный герой, захватчик и тиран Большого канала. Все прочие персонажи: дожи и купцы, дипломаты и герцогини, великие художники и наследники престолов существуют как тени, фантомы, духи места. Все реальные

венетианцы, встречающиеся на Канале, либо обслуживают туристов, либо бочком пробираются между ними.

Двуликий Канал

Итак, есть два Канала — и два пути движения по нему. Первый — как бы «по течению» — с чемоданом в одной руке, с фотокамерой и путеводителем в другой, штурмовать многоместный катер («вапоретто» — катерок), идущий минут 40 вдоль всей улицы по маршруту № 1 со всеми остановками. Проплыть Канал сверху вниз и снизу вверх, сверить с действительностью указанные в книжке достопримечательности. Мы возбуждены и полны решимости не отдать удобное для осмотра место соседу. При этом искренне наслаждаемся открывающимися видами и перспективами. Автоматически отмечаем синеву неба, шум и гомон публики на мосту Риальто, плеск весел у гондол. Канал уже превращается для нас в приключение, пусть и похожее на прогулку по Диснейленду, даже если полному погружению в Лету мешают внешние, бытовые, физиологические раздражители.

На этот путь обречено большинство туристов. Дело не в количестве денег (даже если вы плывете на индивидуальной гондоле, толпа на катерах движется параллельным курсом), а в перенаселенности Канала нашим братом туристом и в нашей способности удовлетворяться поверхностным: пришел, увидел, сфотографировал. Удостоверился, что улица действительно хороша. Понял, что все равно невозможно запомнить все 500 с лишним палаццо, и отправился отметить на Сан-Марко.

Путь второй — «против течения» — сложен и извилист, но дает желающим надежду остаться с Каналом наедине, прочувствовать его нюансы, погрузиться в прошлое, ощутить значительность мифа. Этот путь требует самоотрешенности, времени и умения забыть. Требуется он и некоторой исторической подготовки. Наилучший из доступных сегодня способов «ныряния» в венецианскую Лету, гарантирующий малолюдность и безмолвие, — проехать по ней где-нибудь в середине промозглого декабря глубокой ночью. Боюсь, такое предложение вдохновит немногих. Что же, есть другие варианты, которые я по мере путешествия позволю себе подсказать читателям ради хотя бы минуты подлинного, не туристического счастья, какого мы ждем от Венеции.

Первые шаги по воде

По этой улице, как известно, можно только плыть. Главная артерия Венеции — это «антиулица», где нет переходов-«зебр», вместо асфальта — мутноватая бирюзовая жидкость, повторяющая цвет неба и вбирающая теплоту дворцовых фасадов. На всем протяжении Канала пешеходам остаются считанные метры набережных, отдельные выходящие на воду настилы, пристани для катеров и всего три моста. Вода диктует свой ритм, свои звуки, запахи и темп всему, что плавает.

«Проезжая часть» Каналаццо (то есть Каналицца, Очень Большого Канала) всегда заполнена транспортом: большие моторные катера, лодки-такси, грузовые баркасы, плавсредства пожарников и «скорой помощи» и, наконец, гондолы. Все это снует туда-сюда, как машины на Манхэттене или Садовом кольце, но без пробок.

Что выбрать? Может быть, гондолу, чтобы сразу выбиться из туристического ритма? Нет, пожалуй, гондолу оставим для особого случая. В ней хорошо проехаться ночью, когда, кроме огней палаццо, ничего не видно и можно сосредоточиться на водяных бликах, слушать плеск весел и песню гондольера, опустить руку в воду и даже (тайком от «водителя») попробовать ее на вкус.

Отступление первое

Попробуем представить себе, каков вкус воды в Канале. Если учесть, что вся Венеция стоит в заливе, надо думать, соленая. Но — не совсем. В древности Каналь

Гранде был устьем реки Brenty, которая текла с южных отрогов Альп. Прошло много веков, оно размылось, стало частью Лагуны, но слабое течение с севера на юг, из реки в море, сохраняется, и вода здесь гораздо более пресная, чем, скажем, на открытом городском пляже Лидо. Длина Большого канала — 3 800 метров, ширина — от 30 до 70, глубина — в среднем 6 метров. Естественные берега уже давно уступили место мощным конструкциям из деревянных свай, на которых стоят все здания. О флоре и фауне Канала давно никто не слышал, судя по всему, они отсутствуют.

Лучше выберем водное такси. Небольшая моторная лодка, развивающая приличную скорость, позволит выбиться из медлительного потока вапоретто и гондол, вырваться вперед и первыми ухватить единый образ Канала.

Сторговалась с водителем Симоне — весь маршрут минут за 15 и всего за 35 евро. Он удивляется, что русская синьора хорошо говорит по-итальянски. Заревел мотор, и вот мы уже под мостиком Дельи Скальци, напротив железнодорожного вокзала.

— В первый раз у нас?
— Нет, что вы! Вот уже лет 10 — почти каждую осень... То художественная биеннале, то архитектурная, то вот статью для Москвы пишу.

...Мимо пролетают первые «переулки»-притоки. Канал Каннареджио (Cannaregio) — на углу роскошный палаццо Лабиа с недоступными туристу фресками певца Венеции XVIII века Джованни Баттисты Тьеполо. Недоступными просто потому, что Радиокomitee, который располагается в палаццо, очень строг и никого внутрь не пускает. На подъезде к нему деревянные перекрытия причала выкрашены белоголубыми полосами и увенчаны золотыми шишками. Так на пути впервые встречается фирменный знак Большого канала, впоследствии многократно повторяемый.

Узнаю от Симоне, что цены на катание в гондолах за последний год еще больше взлетели и скоро станут по карману только японским туристам. Да и вообще туго приходится нынче гондольерам в Венеции. На вопрос — почему? — уклончивое молчание. Чуть позже, тут же на Канале, мне стала ясна причина этой уклончивости. «Большая тема» венецианского гондольерного дела — засилье моторных судов, на

которых местные лихачи развивают огромную скорость, поднимая такие же огромные волны. Пристани гондол пестрят плакатами: «No moto ondosolo!», «No traffico selvaggio!» — «Нет движению, поднимающему волну!», «Нет дикой манере езды!» Похоже, на данный момент это самая актуальная тема Канала.

Предаваясь вместе с Симоне как раз такой «дикой манере» езды, я, естественно, попадала в стан ярых врагов гондольеров.

Остросюжетное переживание автора вечером того же дня

Мимо моего «черепашьего» вапоретто, обдав гондольеров и их пассажиров мощной волной, за считанные секунды проносится от Академии до Риальто благообразный седой старик на моторной лодке. Чуть позже я застаю его на берегу за беседой с полицейскими. Сцена классическая. Стражи порядка на своем катере с сиреной догнали нарушителя, так же разбрызгивая по дороге воду, но уже на законных основаниях. Лихач оказывается американским музыкантом, целиком арендующим один из палаццо на Канале. А также — личностью, известной в городе своей склонностью к лихачеству. Полицейские соглашаются отпустить музыканта, приняв от него отложенный штраф в виде приглашения на концерт в «Скуола ди Сан Рокко». Сегодня вечером он исполняет там адажио из Вивальди.

К чести горожан, они понимают гондольеров (среди которых у них, разумеется, немало родственников, ведь большая часть 60-тысячного населения Венеции работает на туризм). Правила дорожного движения на Канале существуют и в основном соблюдаются. «Главная дорога» — это сам Канал. Все впадающие в него притоки (Rio), а их насчитывается с обеих сторон около сорока, считаются улицами с односторонним движением. Перед выездом на Канал на них установлены светофоры, на Канале, в свою очередь, стрелки указателей поворотов. Кое-где на «развязках» висят зеркала бокового обзора, чтобы случайно не заехать носом моторки в бок какому-нибудь катеру. Ночью все «опасные места» и подъезды к причалам отмечены огнями (в это время суток движение на Канале слабеет, но не

прекращается, поскольку для туристов действует специальный ночной маршрут). Все по-настоящему.

Только один раз в году, в первое воскресенье сентября, старинные челны, гондолы,

баркасы становятся, как прежде, хозяевами Канала. Движение всех «моторов» прекращается, и команды весельных гонщиков выходят на Историческую регату. В этот день представляется возможность видеть улицу такой, какой видел и изобразил ее 200 лет назад Каналетто.

Биоритмы

Пока глаз отмечает, как «антиулица» парадоксально копирует «земные» законы дорожного движения, такси Симоне уже подлетает к Риальто. Позади остались многие палаццо, о которых я хотела бы рассказать. Но темп движения обязывает. К архитектуре вернемся позже. Риальто. Мост-предание, архетип всех мостов, место обязательного посещения. Венецианский Нотр-Дам, венецианская Красная площадь (впрочем, может, и не совсем так — объект № 1 для Венеции все же Сан-Марко). Мост всегда так забит народом, что на время упомянутой Исторической регаты его просто закрывают, дабы он не обвалился, как это уже произошло однажды в 1444 году, когда зеваки наблюдали свадебную церемонию маркиза ди Феррары.

Отступление второе

Считается, что первые дома на Канале появились именно у нынешнего моста Риальто в начале нашей эры. К VIII—IX векам этот район стал ключевым в транспортном и торговом отношении. К «Высокому берегу» (Riva alta) подходили свои и заморские суда с товарами, здесь строились склады, разворачивались рынки. Так Канал становился «Большим» — центральной артерией города. Издавна здесь скупали земельные участки и строили резиденции самые знатные и самые богатые граждане: дожи, патриции, кардиналы, адмиралы, а затем торговцы-нувориши. Работали лучшие архитекторы разных эпох. Уже в 1495 году Каналь Гранде был так хорош, что французский король Карл VIII назвал его «красивейшей улицей мира».

Памятники, украшающие ее сегодня, как правило, созданы уже позже. От готики XIII—XV столетий осталось лишь несколько дворцов, все остальное — это ренессанс, барокко, здания веков XVIII—XIX. Мост Риальто — древнейший из трех, перекинутых через Канал, впервые был построен в XII веке из дерева. В 1588 году он был заменен на каменный и по сей день являет собой «шов» города, связывающий воедино важнейшие его части.

Перед Риальто справа — роскошный по-венециански, пестрый рынок, которому минимум тысяча лет. Он называется Рыбным, но торгуют здесь любыми дарами моря, а также зеленью и овощами, к полудню, впрочем, проникающимися невыносимым запахом той же рыбы. Когда мы с Симоне проплываем мимо, как раз бьет полдень, и рынок работу заканчивает. Хорошо бы заставить себя посетить его ранним утром. Вообще Канал — цельный организм с четкой сеткой биоритмов. Чтобы плыть «против течения» (см. выше!), надо его себе представлять. В предзвездной мгле со стороны Лагуны появляются грузовые лодки, они привозят буквально все: напитки и туалетную бумагу гостиницам, свежие газеты — киоскам, Рыбному рынку — еще более свежую, только что из залива, рыбу и морепродукты (ласково говоря по-итальянски — *frutti di mare*, плоды морские).

Отступление третье

В самом начале XVI века в палатцу у Риальто, как раз напротив Рынка, жил историк, комедиограф, поэт и знаменитый остро слов Пьетро Аретино (россиянам он сегодня более известен как автор эротических сонетов). Его заметки содержат подробное описание того, как на заре к причалу подплывают лодки, заваленные дынями в форме женских грудей, а торговцы рыбой раскладывают на прилавках сверкающих чешуей камбал, еще шевелящих усами лангустов, норовящих удрать из корзины крабов... Абсолютно то же самое увидела автор этих строчек, когда все же совершила однажды в шестом часу утра героический поход на Рыбный рынок. А также бросила взгляд — через Канал — на здание, откуда смотрел Аретино. Прожив здесь более 20 лет, он переехал ниже по течению, в Ка'Дандоло. Не окруженный больше приятелями-кутилами, он умер в 1556 году в доме с видом уже не на Рынок, а на пристань Угольщиков. Но в разные годы его друзьями и покровителями, как писал биограф, были император Карл V и Папа Юлий III, король Франциск I и великий Тициан...

Рассвет и первые утренние часы награждают каждого, кто оказывается в это время на Большом канале. Позже и в течение всего дня, до глубокого вечера, особенно весной и летом, он весь, как уже говорилось, принадлежит туристам. Их количество возрастает в геометрической прогрессии, в то время как местные жители отправляются по служебным местам, в школы, университеты, магазины. Если на Елисейских полях гость все же может найти, куда отойти и присесть, то здесь ты — заложник стихии. Конечно, можно пробираться короткими перебежками по параллельным улочкам, но тогда теряется грандиозный вид. Мой совет пловущим «против течения»: если вы любите «экстремальные» ощущения, не появляйтесь в Венеции до конца ноября. Тогда, возможно, вам станет доступен весь букет ощущений: и «аква альта» (высокая вода), когда в городе кроме как по высоким мосткам уже нигде не пройдешь, и то фантастическое время, когда, как в феллиниевском «Амаркорде», наплывают туманы и огни в окнах палаццо горят день напролет.

Если же на дворе разгар сезона, уходите от толпы! Проплывите по Каналу поздним вечером, когда зажигается свет в этих самых окнах и видны дубовые балки потолков в парадных залах, венецианские люстры, картины и зеркала в пышных рамах, полки с фолиантами и тяжелые тканые портьеры с кистями. На Большом канале все невольно становятся вуайеристами. Это один из способов забыться, попасть в Лету.

А если вы все же вышли днем, то, насколько возможно, постарайтесь остаться наедине с Каналом. Хотя бы в узком проулке, хотя бы на секундочку, иначе вам не почувствовать, что он есть на самом деле. Хотя антиулица оживлена весь день, способ воспарить над суетой, дистанцироваться — есть. Например, если зайти в замечательный, хотя и не очень посещаемый и потому спокойный музей «Ка`д`Оро» («Золотого дома»). Он обладает особой атмосферой: позволяет освоиться в венецианском жилище XV века, выйти на балконы-лоджии верхних этажей и, глубоко вдохнув, посмотреть на Каналь Гранде сверху.

Отступление четвертое

Он расположен на левом берегу, в верхней четверти Канала, у одноименной остановки катера и представляет собой шедевр венецианской готики, без которого не обходится ни один учебник по истории итальянской архитектуры. «Золотым» дом прозвали по не дошедшей до нас позолоте деталей фасада, относящейся к XV веку. Палаццо отлично отреставрирован. Сегодня в нем хранится коллекция Франкетти, в которой немало шедевров, например «Благовещение» Витторе Карпаччо и «Святой Себастьян» Андреа Мантеньи.

Барон Джорджио Франкетти, последний владелец дворца, покончил с собой в 1922 году, завещав здание и собрание картин городу. Он также пожелал, чтобы его прах был замурован в одну из порфировых колонн выходящего на Канал портика.

В XIX веке русский князь Александр Трубецкой подарил Са`d`Ого танцовщице Марии Гальони, которая, как известно, коллекционировала венецианские палаццо и в разное время владела тремя, выходящими на Большой канал.

Следы столетий

Музейная жизнь тут так же полнокровна, как движение по водам. Только в зданиях, выходящих на Канал, находятся 10 крупных музеев Венеции — самого широкого спектра.

Миновав на скорости Риальто, мы с Симоне оставили уже позади и «Золотой дом», и удивительный для Венеции Музей естественной истории в одном из древнейших (XIII век) палаццо, названном позже «Фондако-деи-Турки» (с века XVII это был склад турецких купцов). Чем этот музей удивителен? Только тем, что на этих «широтах» мы привычно ждем встречи с искусством, с великими мастерами, а не с огромным скелетом динозавра. Он, надо полагать, более интересен местным школьникам — в отличие от всех остальных достопримечательностей.

Самые знаменитые и посещаемые «сокровищницы» Канала — Музей венецианского быта XVIII века в Ка`Редзониго, музей Академии художеств и коллекция искусства XX века, собранная американской коллекционершей Пегги Гуггенхайм, племянницей еще более известного Соломона Гуггенхайма, страдавшего тем же увлечением. Она с юности выбирала в друзья художников, особенно сюрреалистов, и собирала модернизм. Все три музея ждут нас ниже Риальто на правом берегу. Если интересен старый быт и живопись — путь в Ка`Редзониго и в Академию, если модерн — к Пегги. В последнем случае, кроме всего прочего, вы найдете приятнейший тенистый дворик и выход к террасе, которая расположена на самом берегу Канала.

Личное воспоминание

Однажды, на заре моего узнавания Венеции, во дворике музея Гуггенхайм мне попался с десятков небольших гранитных плит, на которых были высечены имена и даты подозрительно коротких жизней. Поговорив со служителями и позже прочитав биографию Пегги (она купила дворец Веньер-ди-Леони в 1949 году), я узнала, что это могилки ее любимых собачек, деливших с ней жизнь на Канале. Очевидно, на Остров мертвых — Сан-Микеле, где хоронят всех венецианцев, друзей мисс Гуггенхайм не взяли.

Приехали. Под нами переливается голубая Лагуна, слева уже видна колокольня Сан-Марко, справа — церковь Санта-Мария-делла-Салуте, впереди, на острове Св. Георгия, — базилика работы великого Палладио. Но, даже не зная названий архитектурных памятников, всякий поймет, что перед ним — один из самых величественных городских ансамблей, какие только есть на свете. *Ars longa, vita brevis.*

После трогательного, почти родственного прощания с Симоне (будто мы сто лет знакомы, хотя никогда больше не увидимся) я поселилась в гостинице в двух шагах от Канала и вскоре вернулась к нему, чтобы плыть, уже налегке, обратно. На моем пути возник знаменитый бар «Хэрри», но, чтобы не терять времени, я прохожу мимо. Хотя это маленькое заведение в стиле ар деко стоит того, чтобы рассказать о нем. Известно оно прежде всего тем, что здесь сживал Хемингуэй и был создан коктейль «Беллини» (смесь итальянского спуманте с фруктовым соком). С тех пор в «Хэрри» всегда толпы американцев... Но «Беллини», на мой вкус, не самый лучший местный коктейль, я предпочитаю легкий «Шприц апероль», а его все равно надо пить не на Канале, а в тихих уголках города.

У самой Лагуны, теперь уже на правом берегу, выстроились гостиницы-гиганты Венеции. Самые лучшие, самые пятизвездочные, расположенные в самом красивом и выгодном месте Большого канала. «Пизани Гритти», «Европа и Реджина», «Бауэр Грюнвальд», «Монако — Каналь Гранде» — все они расположились в палаццо, которые в XVIII — XIX веках пришлось отдать богатым посетителям. У каждого отеля своя предыстория, у каждого в активе — свой послужной список клиентов-звезд. В «Пизани Гритти», перестроенном дворце XV века, Джон Рескин писал «Камни Венеции». О пребывании здесь того же папы Хэма напоминает названный его именем номер. Сегодня цена за ночь в этом отеле колеблется от 300 до 3 000 евро (а во время Карнавала, который в 2005 году придется на первую неделю февраля, — до 6 000!), что было бы писателю наверняка не по карману — впрочем, за эти деньги вы очутитесь в подлинном интерьере XVIII столетия со всеми венецианскими атрибутами: атласным штофом стен, зеркалами, люстрами, кроватью под пышным балдахином.

Отступление пятое

Первая гостиница в Венеции открылась тоже на Канале, вверх от Риальто на правом берегу, во второй половине XVI века. Она называлась «У белого льва» и располагалась в Ка` да Моста. Из семьи бывших владельцев палаццо, синьоров да Моста, вышел прославленный капитан, который на службе у португальского принца Генриха Мореплавателя открыл Острова Зеленого мыса.

Сегодня этот дом, один из немногих следов XIII столетия на Канале, выглядит весьма убого, но его как раз капитально реставрируют. А с XVI по XIX век он пользовался шумной популярностью. Дважды здесь жил австрийский кайзер Иосиф II — возможно, именно он рекомендовал гостиницу великому князю Павлу Петровичу, наследнику российского престола, который зимой 1782 года путешествовал по Европе вместе с супругой Марией Федоровной. Под именем графа Северного он остановился в «Белом льве». И хотя Венеция — город масок, инкогнито цесаревича, как утверждают историки, было фикцией: с первого дня путешествия «неизвестного» графа сопровождали высшие чины города, в его честь состоялся грандиозный ужин и бал в театре Сан-Бенедетто — последнее событие запечатлено на полотне Габриэле Белла.

Пожить непосредственно на Канале сегодня совсем не сложно. Надо лишь иметь желание, некоторую (в зависимости от запросов) сумму денег и не приезжать во время «народных праздников». И, кстати, именно поселившись здесь, вы «выйдете» на один из вариантов постижения улицы «против течения». Тогда вся суета будет стремиться мимо, а в поле зрения останется фрагмент чистой красоты. Если вы в Венеции ненадолго, проще снять номер в отеле, благо в них превращена треть здешних домов. От самых простеньких в районе вокзала Санта-Лучия — до роскошных при впадении Канала в Лагуну. А можно снять и апартаменты, и этаж, и весь палаццо, если только вы не боитесь, что призраки прошлого побеспокоят вас ночью.

Как беспокоят они согласно легенде постоянно меняющихся владельцев палаццо Дарио. Расположенный напротив отеля «Пизани Гритти», этот прелестный готический дом на моей памяти всегда остается необитаем. От сумерек вечерних до

утренних там никогда не горит свет. Все его владельцы либо погибают, либо исчезают, и, естественно, вокруг палаццо витают самые дурные слухи.

Sic transit gloria mundi

Одно из последних зданий перед причалом — отель «Монако—Каналь Гранде». Мимоходом вспоминаю, что в XVII—XVIII веках здесь работало первейшее в городе казино «Ридотто», где венецианцы до умопомрачения играли в карты (особенно часто — в «фараона»). Игроки всегда носили маски, а держатель банка, без маски, но в тоге, должен был непременно происходить из патрициев...

И снова вапоретто, катер № 1, и плавание вспять по Каналу. На сей раз попробую остаться невозмутимой внутри туристического потока, тем более что главные силы экскурсантов как раз высадились на Сан-Марко и вернутся на кораблики ближе к вечеру. Здесь остались только случайные «дезертиры», которые при ближайшем рассмотрении-вслушивании оказываются, между прочим, наименее случайными. Вот пожилая немка рассказывает подруге, что 20 лет назад выгодно купила квартиру в Венеции и с тех пор минимум два раза в год сюда наезжает. «Но я боюсь толпы, поэтому бываю, вот как сейчас, в конце октября и ближе к началу апреля». Рядом — разговор по мобильному телефону. Молодящийся, творческого вида итальянец настойчиво, но ласково уговаривает некую Лючию уделить ему несколько минут, чтобы «использовать ее лицо»! Я постепенно понимаю, что Лючия — фотомодель, а «юноша» — режиссер, снимающий рекламный клип. Рядом с ним сидит скучающий оператор, выражение лица которого как бы говорит, что видал он виды и получше Канала. Так впервые за этот визит мне пришлось убедиться, что есть и в Венеции реальная жизнь, повседневность. Люди работают, заключают контракты, а может быть, даже где-то неподалеку женятся, рожают детей и умирают.

Статистика умалчивает о том, сколько коренных венецианцев постоянно проживает сегодня вдоль Большого канала. Когда по нему плывешь, кажется, несмотря на подслушанные разговоры, что все местные давно ушли. Остались только государственные учреждения (Региональный парламент и суд, факультеты университета, почтамт, Организация по защите авторских прав и прочее), которые соседствуют лишь с бесконечными: «внаем», «отель», «внаем», «отель»...

В золотом XVII веке венецианской государственности и искусства город был законодателем европейской моды на «роскошную жизнь». Большой канал демонстрировал самые величественные, заполненные произведениями великих художников интерьеры, в которых еще жили, служили и интриговали потомки первых хозяев. Затем они обеднели, и, привлеченная культурной репутацией Венеции, на смену итальянским аристократам пришла первая

волна «квартиросъемщиков». Это, впрочем, были туристы особого рода, тоже весьма аристократического — австрийцы, французы и особенно англичане. Среди последних нашлось немало любителей изящного, заинтересованных в родовых коллекциях так же сильно, как в самих палаццо. Множество картин и скульптур покинули тогда родину, чтобы обогатить британские музеи. Звучащие столь значительно имена: палаццо Вендрамин-Калерджи, Ка`Пезаро, палаццо Фоскари-Контарини, Ка`Дандоло (все без исключения здания на Канале как-то называются) стали эпитафиями канувшим в Лету знатным семействам Венеции. Весь XIX век — это эпоха иностранных «гастролеров» на Канале. Парадокс: угасла слава дожей и патрициев, но город с тех пор стал только знаменитее.

Отступление шестое

История палаццо Вендрамин-Калерджи, известного также как дворец Non Nobis Domine, шедевра венецианского Ренессанса (архитектор Марко Кодуччи, начало XVI века), типична для «старожилов» Большого канала. Три начальных слова из сто пятнадцатого псалма Давида: «Не нам, Господи [не нам, а имени Твоему дай славу]» выбиты прямо на его фасаде. Сегодня их видит каждый, кто на гондоле или такси подплывает к парадному входу в Городское казино, работающее в зимние месяцы. Ощущение «*momento mori*» усиливается, когда сбоку видишь памятную доску: великий Вагнер скончался в этом палаццо 13 февраля 1883 года. История дворца — символ блеска и заката Венеции. На протяжении пяти веков он неоднократно менял хозяев, причем все они происходили из четырех знатнейших родов — Лоредан, Гримани, Вендрамин и Калерджи. В 1844 году последние Калерджи продали дом

Марии Каролине Луизе де Бурбон, герцогине Беррийской, связанной узами родства с сицилийским и французским королями. Ее наследники, в свою очередь, постепенно разорились, дворцовая коллекция ушла с аукциона в Париже. Когда в 1882 году Рихард Вагнер приехал в Венецию, часть дворца Вендрамин-Калерджи уже пребывала в запустении, а владеющая им семья герцогов делла Грациа сдавала еще пригодные для проживания апартаменты. Вагнер снял для своей семьи 15 помещений на первом этаже, нанял собственного гондольера и каждый день, надев неприменный бархатный берет, плавал вниз до Пьяцетты, усаживался в кафе на Сан-Марко, слушал дуэт фортепьяно и виолончели, а иногда даже брал в руки дирижерскую палочку. Кабинет композитора выходил на Большой канал, и он, сев в пурпурное плюшевое кресло, всегда приказывал поднять красные бархатные портьеры на огромных окнах. Здесь же он скончался от инфаркта, причем, судя по воспоминаниям, в день смерти к нему заходил Верди.

С 1946 года дворец стал собственностью города. Зимой здесь казино, но анфилада Вагнера сохраняется как музейный экспонат.

На фасадах вдоль Большого канала имеется множество мемориальных досок: Стендаль и Байрон, Вагнер и Моне, Хемингуэй и Наполеон... Когда-нибудь, я уверена, появится и знак признательности жившей и ушедшей из жизни в Венеции американке Патриции Хайсмит, поместившей своего Тома Рипли в атмосферу туманной Венеции. А ее знаменитая сегодня соперница по криминальной беллетристике, тоже американка и тоже венецианка «по прописке», Донна Леон — почти в каждом романе своего цикла, посвященного полицейским будням комиссара Брунетти, выводит Большой канал одним из главных действующих лиц. Сам комиссар в силу своего скромного положения снимает квартиру на последнем этаже дома недалеко от Академии и из своего окна может видеть лишь кусочек Канала. Но его тесть описывается как «обломок» старой Венеции, один из последних ее

аристократов. Он живет во дворце на Канале, и описание этого дворца практически совпадает по многим деталям с Ка`Редзониго, уже упоминавшемся выше.

Из личного опыта автора

Мне доводилось смотреть на Каналь Гранде из окон его палаццо. К сожалению, интерьеры, где я бывала (а принадлежали они сотрудникам университета, музейным кураторам и тому подобное), оказались вполне современными, скромными, тесными, а дворцовые внутренности — перестроенными. Только однажды это был зал с высокими тусклыми зеркалами, пышной люстрой из белого венецианского стекла, темными картинами в золоченых рамах. Словом, еще шаг — и мечта осуществится, но в тот раз мне было не до созерцания Канала. По залу прохаживался некий состоятельный немец и с моей помощью договаривался с агентом об аренде этажа на лето — только «лично у настоящего аристократа». Выяснилось, что иных уж нет, а те далече. Невымершие графы и герцоги предпочитают делать дела в Нью-Йорке, а, возвращаясь домой в отпуск, снимать виллы на Сардинии, поскольку в Венеции вода сильно загрязнена. Впрочем, если не настаивать на капризах вроде личной встречи, любая фамильная недвижимость — к услугам Туриста.

Выход на сушу в поисках хлеба насущного

Если сравнивать Канал с главными улицами других городов, сразу бросается в глаза радикальное отличие — эта улица лишена рекламы, магазинов, витрин... Парадный вход во многие палаццо — портик, затопленный водой, куда может зайти гондола или моторная лодка. Такой путь сейчас используется редко, все дома имеют и задние, выходящие на сушу двери. Только на небольших участках набережных (называемых Riva и Fondamenta) можно встретить ресторанчики или сувенирные киоски, а так — на всем протяжении Канал — это водная дорога сквозь дворцовые фасады. Плыть мимо них хочется до изнеможения, но рано или поздно надо и поесть. Приходится выбирать из вапоретто.

Самое известное место с ресторанчиками, расположенное прямо у Канала, — это Рива-дель-Вин, кусочек набережной возле Риальто. Внешне заведения очень милы, полны посетителей. Выходящие прямо на воду террасы увиты цветами и застеклены цветными муранскими витражами. Но внешность обманывает. Нет ничего более суррогатного и неоправданно дорогого, чем еда в таких туристических местах. В

лучшем случае там стоит присесть и выпить кофе, который в Италии везде необычайно вкусен.

А чтобы найти хорошую венецианскую еду в центральном районе Большого канала, надо завернуть в темный проулок около Риальто, называемый Калле-делла-Мадонна, сразу за теми кафе, что у воды. Направо — и попадаем в один из старейших ресторанов Венеции «Траттория-алла-Мадонна». Удивительно, но, несмотря на то, что это заведение указано во многих путеводителях и всегда перегружено публикой, повара радуют ее действительно превосходными, свежайшими блюдами. Лучше всего, мне кажется, им удастся рыбный «ризотто» и рыба на гриле. Готовясь к визиту в «Мадонну», надо учесть, что без заказа столика придется стоять в очереди (точь-в-точь как в московской «Венеции» на Пушкинской площади), но она движется быстро, интернациональна, и уже на подступах к пище насущной можно интересно пообщаться. В тот раз мне не захотелось тратить время на полноценный обед. Я углубилась еще дальше в сторону от Канала и через несколько минут пришла на Кампо-Санта-Маргерита, где в очередной раз «ритуально» для себя купила кусок вкуснейшей пиццы «на вынос» в заведении, которое так и называется «Пицца на вынос» («Пицца-аль-Воло»). Оно хорошо знакомо студентам, а также русским художникам, которые живут неподалеку во время творческих наездов. Мне Кампо-Санта-Маргерита в свое время преподнес «на блюдечке» знаток Венеции Глеб Смирнов (скрывшийся под псевдонимом автор статьи о Ватикане в «Вокруг света», № 11, 2004), за что я ему бесконечно благодарна. Как и Большому каналу — за радость забвения и яркие воспоминания.

Ольга Козлова